

Semper in Motu. Актуальные филологические исследования болгарских ученых

Р. Божанкова. Горизонти на дигиталната литература. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2013. — 320 с.

Л. Димитров. Да размиваш Мелпомена, или Чехов на големия път към драмата. София: Издателство «Факел», 2013. — 422 с.

Илиана Чекова. Първите староруски князе светци (образи, символика, типология). София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2013. — 264 с.

А. Н. Кочетков
Нижний Новгород, Россия

Аннотация. Обзор включает три монографии болгарских филологов. Р. Божанкова рассматривает позиции кириллицы в творчестве и общении в сетевой среде, подходы и стратегии дигитализации культурного наследия, вопросы кибер-фольклора и кибер-мифологии. Л. Димитров предлагает целостное рассмотрение ранней драматургии Чехова, анализирует предпосылки, превратившие Чехова в мировое явление. И. Чекова исследует древнерусскую княжескую агиологию, выявляет византийский ораторский контекст ряда поэтических образов.

Ключевые слова: русская литература, дигитальная литература, ранняя драматургия Чехова, первые древнерусские святые князья.

A. N. KOCHETKOV. *Semper in Motu. Topical Philological Studies of Bulgarian Scholars*

Abstract. The present review includes three monographs of Bulgarian philologists. Reneta Bozhankova examines the position of Cyrillic script literature and Internet communication, methods and strategies of cultural heritage digitization, questions of netlore and cybermythology. Ludmil Dimitrov builds up a holistic view of Chekhov's early dramaturgical works and analyzes the prerequisites that turned Chekhov into a global phenomenon.

Iliana Chekova explores Old Russian princely hagiology and identifies Byzantine rhetorical context of a number of poetic images.

Keywords: Russian literature, digital literature, early Chekhov's drama, first Old Russian Saint Princes.

Интенсивность, продуктивность и разнообразие актуальных исследовательских проектов кафедры русской литературы Софийского университета имени святого Климента Охридского давно выдвинули ее в лидеры современного европейского литературоведения. Учёные кафедры не только плодотворно и оригинально исследуют историю, поэтику и методику преподавания русской литературы, но и сохраняют память о классике филологии и исторической науки профессоре Петре Михайловиче Бицилли, личность и труды которого вновь в центре внимания историков и литературоведов¹.

В настоящий обзор включены три монографии профессоров кафедры, вышедших в 2013 году.

Создание, функционирование, глобальная распространённость технологического виртуального мира занимает центральное место среди явлений культуры конца XX века. Дигитальная текстуальность, разножанровая письменная коммуникация и словесное искусство в сети интернет становятся важным объектом междисциплинарных гуманитарных исследований, которые продолжает моногра-

¹ См. недавний сборник научных трудов кафедры «Классика и канон в русской литературе. Чуждаясь погляд». София: Факел, 2013. Публикации, посвящённые деятельности проф. П. Бицилли: И. Колева. Документальни свидетелства за проф. Пётр Бицили, съхранявани в Архива на Софийския университет (С. 246–267); Г. Петкова. Договори. писма и доклади от «Личното дело на проф. П. Бицили» (С. 268–318); Г. Петкова. Курсове. четени от проф. П. Бицили в Историко-филологическия факултет (според Разписа на лекциите на Софийския университет) (С. 319–335).

фия известного филолога заведующей кафедрой русской литературы Софийского университета профессора **Ренеты Божанковой** «Горизонты цифровой литературы»². Монография основана на многолетних наблюдениях и исследовании литературного развития в сегменте глобальной сети, где обмен информацией, публикация, общение осуществляются преимущественно с использованием кириллической графики.

Объектом исследования является литература, представленная и создаваемая в цифровой среде в конце XX и начале XXI века в многоязычной мировой сети; специальное внимание автор уделяет процессам в русской цифровой литературе, рассматриваемой параллельно с болгарской и другими славянскими литературами на широком, благодаря технологиям, фоне глобальной литературы.

Глобальность интернет культуры и литературы ставит перед исследователем вопрос о том, как технологические инновации и стандарты влияют на развитие словесности в интернете вне зависимости от национальной и региональной специфики и как эти стандарты и новый цифровой порядок становятся условием для порождения новых жанровых форматов и для очерчивания новых горизонтов литературы. Следующей особенностью интернет литературы является динамичность развития, которая зависит от подвижности, открытости сети; эта черта обуславливает выбор исследования главным образом принципов, процессов, порождающих механизмы и жанровые форматы, а не отдельных образцовых произведений сетевой литературы. Особенно важно подчеркнуть еще одну характеристику цифровой литературы — ее несuverенность, ее зависимость от развития технологий передачи и сохранения информации.

Структура монографии Р. Божанковой отражает хронологию исследовательского замысла и его реализацию. Первая глава — «Реконструкции цифрового рубежа веков». В ней автор рассматривает позиции кириллицы в творчестве и общении в сетевой среде, подходы и стратегии дигитализации культурного наследия, вопросы кибер-фольклора и кибер-мифологии, а также границы программной заданности и свободы интернет культуры.

В процессе поиска рамки, позволяющей зафиксировать и анализировать текстовые объекты, исследователь обращается к нескольким научным дисциплинам, которые описаны в разделе книги, озаглавленном «Научный контекст», — к теории и истории культуры постмодернизма, к интернет исследованиям, к цифровой филологии и цифровой гуманитаристике. Каждая из этих научных областей подбирает к литературе свои методологические ключи, но рассмотрение сетевых литературных практик и ресурсов с филологической точки зрения требует определения самого понятия *цифровая литература* и сходных понятий — электронная, кибер, сетевая, интернет литература, чему уделяется внимание в следующем разделе монографии — «Ключевые понятия». «Виртуальный жанр» и гипертекст становятся ключевыми понятиями при структурировании научной модели, позволяющей изучать образцы цифровой литературы.

Определение характеристик цифровых литературных жанров осуществляется в точках пересечения двух плоскостей — литературных и интернет жанров. В разделе «Рамки и горизонты» автор последовательно анализирует две жанровые пары с нечеткими границами, главной особенностью которых является их зависимость от интернет технологий, — сетевые литературные проекты и литературные интерактивные карты. Вторая жанровая пара, позволяющая рассматривать рамки цифровой текстuality — киберпоэзия и блог. У этих жанров цифровой литературы были свои предшественники в культуре прошлых столетий, однако рассматриваемые тексты родились в цифровой среде и лишь в ней могут раскрыть весь спектр своих возможностей воздействия на читателя.

Сложившись в сети, новые жанровые образования, со своей стороны, начинают воздействовать на традиционные жанры в традиционной книжной среде, подвергаясь транспозиции. Эти процессы, как и тематизация виртуального пространства и опыта жизни в нем, рассматриваются в последней части книги, озаглавленной «Coda. Переход между электронной и книжной литературой. Трансмедийный реверс». Наблюдения над отдельными текстами, опять же, сосредоточены в сегменте сети, где используется кириллица, а основной акцент ставится на отдельные литературные произведения, принадлежащие соответственно современной русской и болгарской культуре.

Каждый из разделов монографии включает в себя обобщение подробных библиографических исследований, обзоры актуального состояния ди-

² Р. Божанкова. Горизонты на дигиталната литература. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2013. Р. Божанкова — автор часто цитируемой монографии «Постмодернистичният руски текст» (София: Факел, 2011) и 80 статей по литературе и культуре XX–XI вв.

гитальной литературы и культуры в региональных и глобальных проекциях, анализы жанровых и других формальных характеристик текстов в гипертекстовой и гипермедийной среде. В процессе работы Р. Божанкова собрала цифровой архив обширного эмпирического материала, который может стать основой будущего исследования нынешнего состояния письменной культуры. Знание о киберпространстве и разнообразных творческих практиках в нем воспринимается как обязательный компонент в реконструировании глобальной картины культуры начала XXI столетия, а осуществленное и представленное в академической и своевременной монографии Р. Божанковой исследование цифровой литературы не только гарантирует более глубокое понимание и верную оценку современности, но и поможет прогнозировать будущее литературы, в котором искусство слова продолжит раздвигать горизонты человеческой фантазии, творящей миры.

Профессор Людмил Димитров в новой монографии «**Рассмешить Мельпомену, или Чехов на большой дороге к драме**»³ предлагает целостное рассмотрение ранней драматургии Антона Павловича Чехова: его театральные искушения, возникших более или менее спонтанно (пародийных импровизаций, экспромтов, шуток, сценок, этюдов), а также «коротких» и «длинных» комедий, создаваемых с конца 70-х и до середины 90-х годов XIX века, то есть до того момента, когда автор начинает работу над своей первой пьесой, усвоенной русским национальным канонам — «Чайка» (1895). Анализируются главным образом те стратегии, осознанные и интуитивные, которые способствовали формированию его оригинального драматургического мышления. Этот продолжительный и сложный процесс, вписывающийся в рамки подлинного XIX века, представляет Чехова как последнего законного представителя классического («золотого») литературного поколения России. И сегодня мировой театр охвачен той же «чехоманией», которую еще

в 20-е годы XX века отмечал критик и публицист А. Р. Кугель.

В исследовании Л. Димитрова внимание направлено на предпосылки, превратившие Чехова в мировое явление. Чехов в отличие от ряда крупных драматургов своего времени — Ибсена, Стриндберга, Метерлинка, Гауптмана, Зудермана, — самый интригующий: с одной стороны, Чехов — единственный славянин среди них, а с другой — Чехов убежденно и мотивированно отказывается следовать довольно грубому натурализму и строгой, но ограниченной, технике «новой драмы». Его ранние драматургические попытки бесспорно доказывают как его самостоятельность, так и его специфическое «одиночество» в русском театральном пространстве конца XIX века.

Необходимо уточнить, что по отношению к исследуемому массиву творчества Чехова используется понятие *ранняя драматургия*, которое предвзятельно не обособляет ее отдельные жанровые разновидности (водевили, одноактные комедии и т. д.). Интерпретируемые произведения рассматриваются автором монографии как единый — насколько вообще это возможно — корпус со своей внутренней спецификой, целями и логикой. Этих произведений тринадцать, и они в несколько раз превышают количество «канонических» текстов (имеются в виду четыре знаменитые пьесы, появившиеся между 1895 и 1903 гг.: «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад»). Квантитативная или жанровая метаклассификация ранних драматургических опытов Чехова, однако, не является достаточно основательной и не привела бы к убедительным научным выводам, так как нигде и никем не засвидетельствовано, что драматург преднамеренно и последовательно выстраивал свою систему. Рассматриваемые тексты, скорее всего, спонтанны и симптоматичны, они — реакция на актуальные, чаще всего несостоявшиеся в художественном отношении театральные явления-однодневки. В них и через них автор предпринимает экспериментальные поиски того жанрово-сюжетного модуса, который наиболее подходящим образом выразил бы его мироощущение.

В сущности, относительную (условную) бессистемность ранней чеховской драматургии все-таки можно систематизировать, поскольку она движется в двух параллельных друг другу векторах. С одной стороны, это «смешные пьесы», чей генезис — в театральном репертуаре, с другой — «несмешные комедии», опирающиеся на традицию литературной драмы (преимущественно русской и в меньшей

³ Л. Димитров. Да разсмиваш Мелпомена, или Чехов на големя път към драмата. София: Издателство «Факел», 2013. Л. Димитров — специалист по русской литературе XIX в., автор известных монографий «Четвероевангелие» от Пушкин. Опыт за изучение на драматургияния цикъл «Малки трагедии». София: Факел, 1999, «Да бъдеш шут в играта на съдбата. Руската драматургия от XIX век. Херменевтика на канона». София: ИК «Св. Климент Охридски», 2006. Л. Димитров — соавтор книг «Руска литература XIX и XX век» (2002, 2005), «Българско-словенски и словенско-български разговорник» (2010) и др.

степени — западноевропейской). Они, будучи на первый взгляд внутренне ясными и различимыми, на самом деле в процессе написания (и в сознании автора) не обособляются, а переплетаются и влияют друг на друга. Л. Димитров делает вывод о том, что в любом случае это наблюдение говорит о том, что *не ранняя драматургия Чехова подготавливает его позднюю*, если точнее — *не вся ранняя*, а только *часть ее* (при этом, весьма скромная). Постепенное выпадение одноактного водевиля (шутки, этюды и проч.) из его творчества является результатом постоянного авторского переосмысления своего отношения к действительности и серьезных трансформаций, произошедших в его внутреннем мире: когда Чехов работает над своими «поздними» произведениями — начиная с «Чайки» и кончая «Вишневым садом», он перестает писать «маленькие» комедии. Другое дело — «растворяются» ли последние в более «длинных», или просто исчезают.

Ранняя драматургия Чехова развивается под сильным влиянием театральной практики и в значительно меньшей степени — литературной традиции. Ее условные границы отмечены периодом между 1880 и 1892 гг., когда ещё не существовал Московский художественный театр (он был создан только в 1898 г.), который предопределил создание и неоднозначное бытие поздних канонических пьес Чехова. Антона Павловича во всем его бытии пишущего человека сильно искушала сцена — как зрителя, наблюдателя и комментатора-толкователя происходящего на ней. Это своеобразная психоэмоциональная «зависимость» от нее, и Чехов создаёт свое оригинальное мышление, соизмеряя его с неустанным, непрерывно варьирующимся (в эстетическом и жанровом аспекте) репертуаром, подражая ему и одновременно пародируя его. У Чехова классика (а он ее прямой наследник и продолжатель, согласно месту, которое закономерно отводит ему литературная история) не вызывает преклонения, граничащего со страхом; он интерпретирует ее в соответствии со своими собственными представлениями и опытом. В этом смысле единственный импонирующий ему современник — это Лев Толстой, но если в 80-е гг. XIX в. граф уже написал свои канонические тексты, Чехову еще *предстояло* написать свои.

В 80-е гг. XIX века молодой писатель не всматривается в театральную карту Европы, точнее говоря, не следит за европейским театральным репертуаром, чтобы сориентироваться в нем и вывести из него последовательно отстаиваемые собственные художественные убеждения. Он в основном наблюдает за русской ситуацией и комментирует ее. В свою

очередь это доказывает, что явление «Чехов» *формируется в культурной среде, способной самостоятельно родить мирового драматурга*. Чеховские водевили и одноактные скетчи возникают не как производные литературной предзаданности, а как производные условностей сцены, и пародия в них заложена изначально. Именно поэтому путь автора к большой драме является в сущности путем вхождения (проникновения и осознания) в литературную традицию, «трещины и пробоины» которой ему удалось безошибочно выявить и «перемоделировать». Литературность драматургического произведения — вторичный, компенсаторный фактор, проявившийся у Чехова позже, в конце века, как осознанная необходимость ответить на потребности сцены, указав последней ее собственное несовершенство. Однако для Чехова театр играл главную роль в творческом процессе.

Чехов интересуется не только тем, что сделано в русской драматургии (было бы неправомерно искать у него литературно-историческое мышление), а состоянием актуального театрального репертуара. Вот почему проследить за его художественными реакциями на водевиль — более продуктивный подход, чем акцентировать его отношение к классикам, его ближайшим предшественникам. Но есть одно закономерное исключение. В своем намерении уплотнить подчеркнутой литературностью драматургическое произведение, возникшее между первой и второй редакциями «Иванова» и оформившееся окончательно при написании «Лешего», Чехов *ищет русский идентификационный сюжет и находит его в незаконченной пушкинской пьесе «Русалка»*. В его воображении она приобретает статус образца «семейной драмы» (с архетипическими мотивами), позволяющей экспериментальные сюжетные ходы, аналогичные конвульсиям внутреннего мира современного ему «модернистского» человека — объекта исследования западноевропейской новой драмы. Поэтому в монографии Л. Димитрова различаются два типа ранних пьес Чехова: «короткие», вписывающиеся в злободневный репертуар, смешные импровизации-фейерверки, и «длинные», усваивающие уже сделанное в классических драмах до него. Связующее звено, обеспечивающее единство его целостному доканоническому корпусу, — мотив любовного ухаживания со всеми вытекающими последствиями — предвидимыми и неожиданными. Он адекватнее всего импонирует вкусу массовой публики, удовлетворяя ее конвенциональные эстетические потребности.

Короткие шутки и этюды Чехова — техника и темы — напоминают типичные для XIX века (и более ранние) водевили: писатель не является создателем этого жанра. Эти эксперименты, однако, важны по двум причинам: с одной стороны, они являются собой настоящую и аутентичную мастерскую для его уникального драматургического стиля, с другой — они подключаются — с комментариями, пародийно, подражательно — к «частоте» классических перформативных образцов XIX века, притом далеко не только русских, актуализируя диалог с ними в предварительном (пред)модернистском интертекстуальном дискурсе. В сущности жанровое мышление Антона Павловича не следует за рутиной, накопившейся в классификациях и периодизациях литературно-исторического процесса; его прежде всего волнует комедия, но не в ее классическом понимании ни к чему не обязывающей смешной пьесы, ведущей «от несчастья к счастью», а в отличной и редкой версии — в ее высоком (дантовском) статусе, в котором она, игнорируя смех, остается почти «неузнаваемой» с точки зрения своих собственных жанровых конвенций. Чехов таким образом добивается драматургической поэтики сильно провокативного и широкого герменевтического резонанса: он пишет маленькие пьесы для большой сцены и массовой публики и большие пьесы для камерной сцены и для отобранного, изысканного (ограниченного) круга зрителей. Специфично, даже уникально его мироощущение, исследующее драматическое сквозь призму смешного. Чехов стилизует трагическое, оптимизируя его тонким юмором (иронией) и, «рассмешив» Мельпомену (эффект, отвечающий читательскому ожиданию), придает ей значительно большую привлекательность («тонкую Талию»), не отменяя ее катарсической сущности.

Тщательный и неординарный анализ проблемы, широкая эрудиция автора, метафорический язык обеспечат монографии Л. Димитрова заслуженный успех.

В монографическом исследовании **Илианы Чековой «Первые древнерусские святые князя (образы, символика, типология)»**⁴ представлен

⁴ Илиана Чекова. Първите староруски князе светци (образи, символика, типология). София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2013. И. Чекова — автор более 50 научных работ в области древнерусского летописания, агиографии, славянских литературных связей и русского фольклора. Среди последних публикаций автора отметим: Библейские коды в летописном повествовании о княгине Ольге // Древ-

обзор научных трудов по древнерусской княжеской агиологии. Тема правителей-святых и посвященные им тексты давно находятся в центре внимания медиевистов. Интерес к теме не раз переживал спад и подъем, в наши дни тема вновь становится актуальной, что подтверждается большим количеством научных трудов, созданных русскими, болгарскими и учеными других стран.

Изучение ранней княжеской святости, представленной в образах княгини Ольги, князя Владимира и князей Бориса и Глеба, проводится И. Чековой в двух направлениях: первое направление связано с проблемой реконструкции парадигмы правителя и святости первых восточнославянских князей-святых; второе направление связано с вопросами анализа поэтики, жанровой типологии и генезиса посвященных им литературных сочинений. Автор прослеживает явные и имплицитные *ветхозаветные, новозаветные и житийные модели*, некоторые из которых оставались до сих пор не замеченными исследователями.

Библия в значительной мере присутствует в «Повести временных лет», что получило выражение не только в конкретных цитатах из ее книг, но и в ссылках на библейскую архетипику и образность. Книга великих кодов, если перефразировать определение Библии Н. Фрема, становится неиссякаемым источником образов, аллюзий, она воздействует на формирование поэтики летописных, житийных, гимнографических и ораторских текстов о первых христианских правителях Киевской Руси. Их фигуры осмысляются посредством эмблематичных библейских первообразов: Ольга — как Царица Савская, Сара, Раав и Св. Богородица; Владимир — как Иаков, Давид, Соломон и апостол Павел; Владимир и Ярослав — как Давид и Соломон; Борис и Глеб — как Авель и Иосиф, пострадавшие от своих братьев, как вифлеемские младенцы, преследуемые царем Иродом, как Христос, распинаемый на кресте и др.

Автор монографии устанавливает, что смыслопорождающими в парадигме правителя-святого являются и *агиологические модели равноапостольных святых, просветителей и мучеников*: для св. Ольги — св. Елена; для св. Владимира — равноапостольные св. Константин Великий и св. князь Борис-Михаил Болгарский; для св. Владимира и его

няя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3. Ч. 2 (сентябрь). С. 125–126; Летописная похвала княгине Ольге в «Повести временных лет»: поэтика и текстологические догадки // Древняя Русь: Вопросы медиевистики: Ежеквартальное издание. 01-06-2013. № 2 (52) Июнь / 2013. С. 92–103.

сына Ярослава — славянские апостолы и просветители свв. Кирилл и Мефодий; для свв. Бориса и Глеба — великомученики и воины св. Георгий и св. Димитрий, св. Стефан, св. Вячеслав и др. Эти наблюдения помогают автору выявить устойчивые принципы поэтизации соответственно трех типов святости в текстах *Slavia Orthodoxa*⁵: во-первых, равноапостольных женщин-обновительниц; во-вторых, равноапостольных правителей — крестителей и первопроходцев христианской веры и просвещения; и, в-третьих, правителей-мучеников.

Ольга и Владимир — первые христианские правители Киевской Руси. Во всех рассматриваемых произведениях о князе Владимире (за исключением житийных) подчеркивается связь между делами Ольги, предвестницы христианства в русских землях, и делами Владимира, ее последователя. Подобная связь наблюдается также между Владимиром, крестителем Руси, и его сыном Ярославом, продолжившим христианизацию русской земли. Князь Владимир соотносится с князьями Борисом и Глебом так же, как соотносится отец и его любимые сыновья, сюзерен и вассалы, креститель и первые канонизированные святые. Своей трагической гибелью и отказом поднять оружие против своего брата Борис и Глеб показывают добровольность христианского самопожертвования, соблюдение княжеской иерархии и старшинства, отвергая таким образом княжеские усобицы.

В святом пантеоне Киевской Руси Борис и Глеб, Ольга и Владимир занимают центральное место, задавая парадигму княжеской святости. Общая направленность их духовного воздействия в историософии Киевской Руси видна в сходстве в интерпретации их образов в древнерусской литературе. Между княгиней Ольгой, князем Владимиром, князьями Борисом и Глебом, а также князем Ярославом существует не только династическая, родственная, но и литературная взаимосвязь. Большинство произведений о них — летописные, ораторские, житийные и

гимнографические — принадлежат к самому раннему этапу развития древнерусской литературы. Они являются частью более крупных жанровых форм, таких как летописный свод, ораторская проповедь и Пролог (Синаксарь). Их объединяет стремление к восхвалению ранней княжеской святости, а также общая цель — наделение ореолом богоизбранности династии Рюриковичей.

Анализ поэтики и генезиса содержащихся в «Повести временных лет» летописных похвал княгине Ольге под 969 г., князю Владимиру под 1015 г., князьям Ярославу и Владимиру под 1037 г. и князьям Борису и Глебу под 1015 г. показывает их общую образность, стилистику и принадлежность к ораторскому жанру. Эти похвальные тексты опираются на сходные композиционные структуры, мотивы и формулы. Автор монографии приходит к выводу, что тезис Д. С. Лихачева об общности шести текстов, определяемых как «Сказание о начальном распространении христианства на Руси», был подтвержден и конкретными текстологическими наблюдениями на основе пяти из них.

Проведенный И. Чековой анализ позволил впервые предложить гипотезу об использовании ораторских образцов св. Климента Охридского — о заимствовании тем, образов, композиционных моделей и ораторских техник из его творческого наследия, которое со своей стороны, безусловно, опирается на византийскую традицию. Автором монографии был выявлен византийский ораторский контекст ряда поэтических образов, что, с одной стороны, углубляет представление о духовной и художественной преемственности между православными славянскими литературами Средневековья и Византией, а с другой, демонстрирует высокий уровень творческих достижений древнерусской книжности.

Похвальные тексты в средневековых славянских литературах наследуют жанровую типологию византийской ораторской практики. Риторические тексты в византийской и древнеболгарской литературе богаты *образами и символами с семантикой излучения света*. Они присутствуют в классических византийских образцах, таких как Акафист Св. Богородицы, Гимн Христу Григория Назианзина и его ораторские сочинения, в произведениях Иоанна Златоуста, Кирилла Иерусалимского, и в оригинальной древнеболгарской литературе — прежде всего в словах и службах св. Климента Охридского. Световые темы и образы встречаются и в похвальных текстах древнерусской литературы, усвоившей византийское и древнеболгарское наследие. Какими бы универсальными они ни были для средневеко-

⁵ В результате крещения и христианизации в национальных славянских культурах Средневековья возникает общность *Slavia Orthodoxa*. Этот период ранней христианизации отличается повышенной творческой активностью и стремлением оценить свою историю через призму общекультурных идей. Расставаясь с язычеством и находя опору в христианской нравственности, древнерусский книжник был очарован ореолом христианской святости и блеском княжеской багряницы. Так, он созидает целый словесный пантеон первых правителей-христиан — княгини Ольги, князя Владимира, князей Бориса и Глеба. Их почитание свидетельствует о стремлении восточных славян к христианской самоидентификации.

вых христианских литератур, в ряде случаев они говорят о хорошем знании древнерусскими книжниками — Нестором, Иларионом, монахом Иаковом и др. — конкретных Климентовых похвальных слов. Похвалы первым христианским князьям Киевской Руси в летописи «Повесть временных лет», в «Слове о Законе и Благодати» и в житиях используют общий набор образов, символов, противопоставлений, параллелизмов и метафор. Сюда относятся: Христос, солнце, луна, денница/утренняя звезда, свет, солнце и бисер, греховный мрак, грязь, язычество, невежество; старый Адам — новый Адам; обновление, новые люди, сеяние — пахота — жатва и др., которые корреспондируют с подобными в Климентовых словах.

Конкретный анализ, тщательно проведенный И. Чековой, показал текстуальную, образную и стилистическую близость между похвальными текстами о первых русских святых князьях в летописи «Повесть временных лет» и следующими похвальными текстами св. Климента Охридского: между «Похвалой Ольге» под 969 г. и «Похвальным словом на Успение Богородицы»; между «Похвалой Владимиру» под 1015 г. и «Поучением об апостоле или мученике»; между «Похвалой Ярославу и Владимиру» под 1037 г. и «Похвалой свв. Кириллу и Мефодию»; между «Похвалой Борису и Глебу» под 1015 г. и «Похвальным словом о Димитрии Солунском», а также «Похвалой свв. Кириллу и Мефодию». Большинство произведений св. Климента, с которыми проведенный анализ устанавливает сходство, относится к текстам, чье авторство определяется в науке с высокой степенью вероятности. Лишь по отношению к атрибутированию похвального слова свв. Кириллу и Мефодию существуют известные колебания, но можно сказать, что в целом оно также иллюстрирует стиль св. Климента.

Исследование И. Чековой является первой попыткой выявить влияние творчества св. Климента Охридского на древнерусскую летопись «Повесть временных лет». Автор предлагает гипотезу об участии Климентовых сочинений в формировании поэтики и генезиса оригинальных древнерусских текстов. Эту гипотезу можно оспаривать, имея в виду общий фонд лексики и стилистических приемов, использованных в византийской и славянской средневековой книжности. Однако можно привести и достаточно аргументов в ее пользу, учитывая конкретные текстуальные наблюдения и значение творчества св. Климента для православного культурного ареала. Есть основания считать, что в духе Климентовых слов написаны аналогичные

в жанровом и стилистическом отношении тексты о первых русских князьях-святых, включенные в «Повесть временных лет», частично в «Слово о Законе и Благодати» и в жития. Следовательно, к списку произведений, послуживших источником создания «Повести временных лет», можно добавить еще один предполагаемый источник — слова св. Климента Охридского. Результаты исследования позволяют по-новому оценить восприятие творчества Климента в Киевской Руси, а при панорамном взгляде — и роль его творчества в формировании литератур Slavica Orthodoxa.

Таким образом, устанавливается общий семантический код, а вместе с ним и общий подход к литературной поэтизации, применяемый к первым династичным правителям-христианам Киевской Руси. Идея сакрализации русской государственности и конфессии находит высокохудожественные формы реализации. Тексты, посвященные Ольге, Владимиру, Борису и Глебу, располагаются в семантической триаде «свет — святость — вселенная», в которой русская земля соотносена с христианской ойкуменой. Эстетическая инвенция книжника, творившего на заре древнерусской литературы, актуализирует традиционные поэтические средства византийского панегирического стиля и ораторского стиля св. Климента по отношению к оригинальным древнерусским содержательным моделям.

Древнерусские образы святых князей создавались в русле представлений о христианской святости правителя, заданных Византией, но одновременно с этим в них обнаруживаются и свои оригинальные особенности, что в значительной степени обогатило агиологические представления Slavica Orthodoxa. Названные автором черты особенно ярко выступают при сопоставлении приемов сакрализации правителя и извлечении топосов парадигмы правителя в древнерусской, древнеболгарской и сербской книжности.

Монография И. Чековой иллюстрирована 64 черно-белыми изображениями (в основном миниатюрами из Радзивилловской летописи, а также иконами и др.).

Трудоёмкое и тщательно проведенное исследование И. Чековой, несомненно, расширяет представления о библейских архетипах и агиографической символике, значимых для средневековой литературной поэтики и книжной практики в Киевской Руси, а также позволяет более четко выявить специфику парадигмы правителя в византино-славянском культурном ареале.

Все проанализированные монографии болгарских учёных способствуют «пониманию и духовному слышанию друг друга людей разноязыких» [Волкова 2013: 21], решают сложные научные проблемы, демонстрируют высокую технику литературоведческого анализа, успешно «расшифровывают» литературные тексты и заслуживают внимательного филологического прочтения.

ЛИТЕРАТУРА

Божанкова Р. Хоризонти на дигиталната литература. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2013.

Димитров Л. Да размиваш Мелпомена, или Чехов на големия път към драмата. София: Издателство «Факел», 2013.

Чекова И. Първите староруски князе светци (образи, символика, типология). София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2013.

Волкова П. Мост через бездну. Книга вторая. М.: Зебра Е, 2013.

ДААННЕ ОБ АВТОРЕ

Кочетков Александр Николаевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка переводческого факультета Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

Адрес: 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31А

Эл. почта: kochet@lunn.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kochetkov Alexander N. is a PhD, Associate Professor of the Department of English at the Faculty of Translation and Interpreting, Nizhny Novgorod State Linguistics University.